

ДВА УРОКА

Мне до сих пор вспо-ми-на-ет-ся с му-ко-ю

шко-ла, Тур-ге-нев, Му-му.

Все ди-рект-ри - су драз-ни - ли га-дю-ко-ю,

мал был, не знал по - че - му.

Но не вра-ла ни-ту-и - ци - я дет - ска - я,

в жен - ши - не чу - я зме - ю.

А во дво - ре шко - лы Жуч - ка об - лез - ла - я

гре - ла ще - ня - чью се - мью.

нок. Пос - ле у - ро - ка бес - че - ло - веч - но - сти

шёл гу - ма - низ - ма у - рок. Пос - ле у - ро - ка

Мне до сих пор вспоминается с мукою
школа, Тургенев, Муму.

Все директрису дразнили гадюкою,
мал был, не знал, почему.

Но не врала интуиция детская,
в женщине чуя змею.

А во дворе школы Жучка облезлая
грела щенячью семью.

Мы, разбитная шпана повоенная,
от велика до мала
знали и в Бога и в мать откровения,
только не знали тепла.

По бурьянам самокрутки чадили ли,
в драках ложились костями,
а со щенками душой отходили мы
и становились детьми.

Жаль, что в те годы был чуть ли не дерзостью
детский общительный смех.

Нам из окна директриса шипела всё:

– Всех накажу, всех, всех, всех!

Жорик припадочный, семя гадючее,
за похмельные гроши
ей побожился по пьяному случаю
наших собак порешить.

... Взвизгнула жалобно, как человек кричит,
корчилась мордою в грязь.

На костылях плакал мичман калеченный:

– Что же ты делаешь, мразь?

Кодлом на нелюдя мы нападали все,
эх, если б сбить его с ног.

Но кулаком оглушённые, падали
Под беспощадный сапог.

Мне вспоминается с болью гортанною
школа, Тургенев, Муму.
Выли щенки над прибитою мамою:
– Люди, за что, почему?
Вновь захлебнулся в наивной беспечности
школьный дрожащий звонок.
После урока бесчеловечности
шел гуманизма урок.